

меня очень баловал, часто посылал мне свои ноты, отдавал мне полный отчет своих занятий музыкальных; я же исполнял его комиссии в Москве, а главное посылал ему с айки московские, которые он очень любил. Последнее время его жизни в особенности его письма дышат горячей дружбой. За два дня до смерти он заставил Кашперова читать мое письмо.

*

[Цыганская песня «Коса»] — сочинение мое, плоды моего юншества еще в лицее, которое впоследствии так исказили москов[ские] цыгане¹³.

К. А. БУЛГАКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ К ПИСЬМАМ М. И. ГЛИНКИ

Глинка вообще любил уменьшительные, особенно в собственных именах. Одно время он усердно ухаживал за очень хорошенькой воспитанницей театральной школы, но плохой певицей, Каролиной К.¹, которую называли «Линочкой». Я как-то сказал ему, что странно такому отличному музыканту плениться такой плохой музыкантшей, которая должна бы этим недостатком разочаровать его. Глинка отвечал, что она ему все-таки очень нравится и прибавил: «заметь, что мы созданы друг для друга; она Линочка, а я — Глиночка». Так его прозывали часто в нашем приятельском кругу².

*

Выражение «ненавистная»³ не должно тут приниматься безусловно и в самом обширном значении этого слова. Глинка, конечно, не был партизаном итальянской музыки; но я сам слышал его восторженные похвалы представлениям итальянских опер, когда они игрались в Петербурге такую труппою, какая была там во время Рубини. Я сам видел слезы на его глазах во время финала I акта «Сомнамбулы» и т. д. Впрочем, все это относится к гораздо более ранней эпохе.

*

Каватина Гориславы с удивительным аккомпанементом, в котором большую роль играет фагот, находится в 3-м акте «Руслана» и есть одно из самых свежих и увлекательных вдохновений Глинки. Она отличается характером необыкновенной страстности. Между тем, при постановке «Руслана» партия Гориславы была отдана молоденькой и прехорошенькой пансионерке школы Э. И. Шифердекер, носившей на афишах имя Лилеевой, которая очень мило исполняла роли игровые и веселые в роде Ритты — в «Цампе», Адины в «Любовном напитке» и т. п., соответствовавшие и ее наружности, и ее голосу, чистенькому, гибкому, но вовсе непригодному для выражения страсти. Глинка был в отчаянии особенно от холодности, с которой Лилеева произносила восклицание: «О!» перед словами: «мой Ратмир». Он требовал для него хоть жизни, если не огня, а Лилеева никак не могла перенять его урока. На одной из последних репетиций Глинка, как сам мне тогда рассказывал, подкрался сзади к Лилеевой и, дождавшись несчастного такта, неожиданно ущипнул ее за руку, так что она вскрикнула, и неудавшееся ей и

пропадавшее: «О!» раздалось, полное неподдельной жизни. Глинка сказал певице: «вот видите, что можно дать этому восклицанию выражение; старайтесь произносить его и впредь хоть так, как сейчас».

*

Помню, как эту превосходную пьесу ⁴ разыграл в первый раз в Павловском вокзале известный оркестр Германа. Это было в 1839 году, сколько могу припомнить.

*

Под прозвищем «Фирса» издавна известен в обществе остроумный и даровитый князь Сергей Григорьевич Голицын, дилетант и стихотворец. Глинка написал музыку на переведенные им из Мицкевича стихи: «Когда, в час веселый, откроешь ты губки» — и на другие слова его сочинения ⁵.

Примечание редакции: недавно пришло печальное известие о кончине этого достолюбезного человека. Он умер в Польше, в имении своем, 19 ноября 1868, на 63 году от роду.

В. В. СТАСОВ

ИЗ ПИСЕМ к Н. Ф. ФИНДЕЙЗЕНУ

...В 1849 году, раннею весною, я довольно близко познакомился с Глинкою (приехавшим из-за границы в Петербург в ноябре 1848 г.), о чем он рассказывает в своих «Записках» ¹, и тогда же, с его согласия, представил ему С. Н. Дютур (в которую, между нами буди сказано, я был тогда страстно влюблен); мы ездили вдвоем к Глинке очень часто, и по моей просьбе Глинка проходил с нею все новейшие тогда романсы — всего более «Маргариту» и «Ты скоро меня позабудешь». Он восхищался ее необычайной музыкальной интеллигенцией, драматизмом и страстностью выражения, страстностью и грацией. Я присутствовал всегда при этих «уроках». Беседы у нас бывали, можно сказать, бесконечные. Я их когда-нибудь расскажу в своих «Записках» (давно уже начатых, но так же давно и лежащих втуне) ². Когда Глинка играл нам тогда свою «Камаринскую» с миллионом все новых и новых вариаций, так как «Камаринская» вовсе еще не получила окончательного вида ³, я всегда играл ему, вверху фортепьяно, тему и часто просил его повторить вот такую или такую вариацию, игранную им нам в прошлый или предпрошлый раз. Но часто они были уже у него забыты, и вместо них он фантазировал все новые и новые — без конца; наше восхищенье было в таких случаях беспредельно!

П. С. НИКОЛАЕВ

ЗНАКОМСТВО с М. И. ГЛИНКОЙ

Летом 1849 года император Николай Павлович жил в Варшаве.

Небольшого помещения Лазенковского дворца хватало только для самых приближенных лиц, поэтому для остальной свиты заняли прекрас-